

Полемика о форме правления в русском либерализме XIX – начала XX вв.

Controversy about the form of government in the Russian liberalism of the XIX - early XX centuries

УДК 323. 23

Получено: 07.08.2019

Одобрено: 19.08.2019

Опубликовано: 25.09.2019

Матюхин А.В.

Д-р полит. наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
e-mail: AMatyhin@mfpa.ru

Matiukhin A.V.

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the department of philosophy and history of Moscow financial and industrial university «Sinergiya»
e-mail: AMatyhin@mfpa.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является анализ политико-правовой полемики в отечественной либеральной мысли XIX – начала XX вв. по вопросу оптимальной для России формы правления, а также выявление тенденций этой полемики, ярко проявившихся уже в наши дни. Актуальность данной цели обуславливается необходимостью исследования и оценки преобладания в современной российской политической и правовой системах вестернизированных моделей и образцов, что нашло отражение в Конституции РФ 1993 г., как и в целом российском законодательстве и построении институтов политической жизни. В качестве источников анализируются философские, политические и правовые труды М.М. Сперанского, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, Л.А. Полонского, М.М. Стасюлевича, П.Н. Милюкова, Ф.Ф. Кокошкина, П.Б. Струве, а также документы, связанные с деятельностью дореволюционных Государственных дум и политических партий, Юридического Сопределения при Временном правительстве и др. Методологической основой стали принципы системного и аксиологического подходов, ретроспективного, сравнительного и сравнительно-исторического анализа. В статье выявляются исторические корни и традиции концепций и полемики об оптимальной форме правления для страны в либеральной мысли на протяжении XIX – начала XX вв. – как в дореволюционной России, так и в периоды Февральской революции и первой волны эмиграции. Особое значение придается выявлению трендов к пересмотру формы правления от самодержавия – к конституционной монархии, а далее – к демократической республике, постепенная переориентация от образцов английской политико-правой системы – к французской, и, наконец, – к американской. В этой связи, вполне закономерным видится органическая склонность российского либерализма к копированию западных политико-правовых образцов, тенденции к крайностям вестернизации, апогеем чего явилось реформаторство постсоветского периода.

Ключевые слова: форма правления, русский либерализм, разделение властей, самодержавие, конституционная монархия, республика, полемика.

Abstract

The aim of this work is the analysis of political and legal controversy in the domestic liberal thought of the XIX - beginning of XX centuries on the question of optimal for Russia form of government, as well as identifying trends in the debate, clearly manifested in our time. The relevance of this goal is due to the need to study and assess the prevalence of westernized models and models in the modern Russian political and legal systems, which is reflected in the Constitution of the Russian Federation in 1993, as well as in the whole Russian legislation and the construction of institutions of political life. As sources, the philosophical, political and legal works of M. M. Speransky, K. D. Kavelin, B. N. Chicherin, N. M. Korkunov, S. A. Muromtsev, L. A. Polonsky, M. M. Stasyulevich, P. N. Milyukov, F. F. Kokoshkin, P. B. Struve, as well as documents related to the activities of pre-revolutionary State Dumas and political parties, the Legal Meeting under the Provisional government and other Methodological basis were the principles of systemic and axiological approaches, retrospective, comparative and comparative historical analysis. The article reveals the historical roots and traditions of concepts and polemics about the optimal form of government for the country in liberal thought during the XIX - early XX centuries – both in pre-revolutionary Russia and during the February revolution and the first wave of emigration. Particular importance is attached to the identification of trends in the revision of the form of government from autocracy – to the constitutional monarchy, and then - to the democratic Republic, the gradual reorientation of the samples of the English political and legal system - to the French, and finally - to the American. In this regard, it is quite natural to see the organic tendency of Russian liberalism to copy Western political and legal patterns, the tendency to the extremes of Westernization, the apogee of which was the reformation of the post-Soviet period.

Keywords: form of government, Russian liberalism, separation of powers, autocracy, constitutional monarchy, Republic, polemic.

В начале 1990-х гг. пришедшей к власти новой либеральной элитой в качестве политико-правовых ориентиров для государственности Российской Федерации безальтернативно рассматривались исключительно вестернизированные образцы политических систем. Это нашло отражение и в Конституции РФ 1993 г., как и в целом российском законодательстве, а также в выстраивании политических институтов [12, с. 34-43]. В отношении формы правления наиболее оптимальным признавался ориентир на образцы современных Соединенных Штатов Америки и Пятой французской республики.

Но разработка концепций и полемика об оптимальной форме правления для страны имеет глубокие исторические корни и традиции в либеральной мысли на протяжении XIX – начала XX вв. – как в дореволюционной России, так и в периоды Февральской революции и первой волны эмиграции. Рассмотрим данный вопрос подробнее, выявляя определенные тенденции во взглядах, подходах и спорах отечественных либералов.

Для русского либерализма XIX в. в целом была характерна приверженность конституционной монархии. Это хорошо видно на примере концепций «истинной монархии» М.М. Сперанского, «ограниченной монархии» Б.Н. Чичерина, «самодержавной республики» К.Д. Кавелина и др.

Согласно политико-философской концепции «истинной монархии» Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839), а также разработанных им ряда проектов административных реформ, за российским императором сохранялась полнота управления страной («в России вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной»), право законодательной инициативы, а также утверждение новых законов. Однако в отличие от традиционного самодержавия, обновленная монархическая власть несколько ограничивалась в законодательной сфере Государственной думой, которой предписывалось рассмотрение всех законопроектов («никакой новый закон по может быть издан без уважения Думы»), а также утверждение новых податей, налогов и повинностей. Российский император фактически отстранялся и от судопроизводства. Декларативно за

ним сохранялась роль верховного охранителя правосудия, так как суд вершился от его имени: «Из сего следует, что действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судебные обряды» [17, с. 174].

Важно отметить, что в своей реформаторской деятельности, особенно в законотворчестве, Сперанский опирался на существующий опыт наполеоновской Франции. Некоторое время он возглавлял комиссию, которая работала над подготовкой нового Гражданского уложения, составлявшегося под очевидным влиянием французского Гражданского кодекса начала XIX в. Этот кодекс был пронизан духом римского права и Великой французской революции, при этом он сохранял концепции римского права и римскую юридическую терминологию. Сразу же после принятия в 1804 г., этот Кодекс был распространен на французские колонии, а также на многие европейские государства, завоеванные Наполеоном Бонапартом или вступившие с ним в союз [11, с. 131]. Несмотря на сложный характер отношений между Россией и Францией в тот период истории, для части русского общества Наполеон, и его первоначальная государственная деятельность были объектами для подражания и даже восхищения.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) абсолютизму и концентрированности власти, имеющих, по его мнению, тенденцию к бесконтрольности и произволу, в своей концепции «самодержавной республики» противопоставлял идею «рассконцентрированности» и уравнищенности единовластия институтами законосовещательного представительства. Он считал, что определенный баланс властей достигнут, например, в конституционно-монархической Англии. Здесь центр тяжести принятия решений приобретал устойчивое равновесие благодаря значительной роли парламента, в то время как за королем закреплялись значительные полномочия в сфере исполнительной власти. К.Д. Кавелин не предлагал механически копировать английский образец, полагая, что в России социально-политическая роль монарха традиционно более весома, чем в Европе. В своем проекте политических реформ [7, с. 99-104] он предусматривал уравнивание абсолютизма формами институционализации общественного мнения и контроля в виде соответствующих Сенатов (административного, законодательного, судебного). К.Д. Кавелин считал, что в случае реализации данного проекта успешные либеральные социально-политические преобразования в России станут возможными и при сохранении монархической власти как надклассового органа и символа единства и силы государства. Он, в частности, писал: «Россия, благодаря истории и обстоятельствам, есть единственная страна в мире, где возможен твердый законный порядок и широкие гражданские свободы при самодержавной власти» [3, стб. 1070].

Со своей стороны Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) полагал, что ограниченная монархия отличается от монархии абсолютной воплощением в ней согласия различных начал общественной жизни, различных социальных элементов, которые находят себе полноценное применение в социально-политическом устройстве. По его убеждению, именно в ограниченной монархии «идея государства достигает ...наивысшего развития», в ней реализуется «сочетание монархического начала с аристократическим и демократическим», где институт монархии «представляет начало власти, народ и его представители - начало свободы, аристократическое собрание - постоянство закона, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели» [20, с. 161]. (Любопытно, в связи с этим, что оппоненты Чичерина, и в целом западников – славянофилы понятие «общей цели» трактовали схожим образом – как идеал социальной целостности [2, с. 124–125]).

Б.Н. Чичерин считал, что при практической реализации принципа разделения властей в Российской империи крайне важной становится задача сохранения единства общей государственной политики, предотвращение дисгармонии деятельности ветвей власти: «Разделение властей возможно настолько, насколько этим не нарушаются их согласные действия» [22, с. 323]. Говоря о значительной роли монархии в исторических условиях России, в том числе и для перспектив становления полноценного гражданского общества

[6, с. 83-91], Чичерин особо подчеркивал новую роль императора для реформированной политической системы либерального типа: «Каковы бы ни были многие его воззрения, от него требуются две вещи, без которых правильное действие конституционного порядка немислимо: 1) чтобы он не проводил своей личной политики вопреки желаниям народа; 2) чтобы он не становился во враждебное отношение к какой бы то ни было партии» [21, с. 244].

В свою очередь, Николай Михайлович Коркунов (1853–1904), сравнивая виды монархической власти, оперировал моральными понятиями «ответственность» и «безответственность». Так абсолютная монархия определялась им как «государственное устройство, при котором функция представлять государство, как целое, осуществляется как собственное право, безответственным лицом» [5, с. 48]. Далее он добавлял: «Обозначение власти монарха верховною показывает, что ему принадлежит высшая безответственная власть в государстве ... Самодержавие и неограниченность показывают, что вся полнота власти сосредоточивается у нас в руках монарха» [5, с. 158]. Н.М. Коркунов полагал, что традиционное российское самодержавие тождественно старому европейскому абсолютизму, который уже преодолен на Западе через ограничение законодательством единовластия. Это, по его мнению, является ключевым фактором либеральных преобразований политико-правовой системы, даже при формальном сохранении (но уже «ответственного») института монархии. При абсолютизме же на место закона «заступает ничем не сдержанный произвол личный правителя» [5, с. 158].

В «Проекте Основного и Избирательного законов» Сергея Андреевича Муромцева (1850–1910), председателя первой Государственной думы (1906) полномочия монарха обозначались следующим образом: «Власть верховного управления принадлежит императору» [16, с. 401]. При предполагаемой проектом существенной роли парламента, данная формулировка означала скорее верховенство монарха лишь в административной сфере, что подтверждало передачу в его ведение руководства вооруженными силами, внутренними делами и внешней политикой – функций исполнительной власти в европейской традиции.

Из всего этого можно сделать следующий вывод: несмотря на самодержавную риторику, власть русского монарха в либеральной мысли XIX – начала XX вв. переводилась в статус главы власти исполнительной, с определенными возможностями влияния на иные ветви власти. С постоянной апелляцией к отечественным политическим традициям неизменно проводился курс на реализацию либерального принципа «разделения властей». Любопытно, в этой связи, проследить отношение к институту монархии в подходах и проектах политико-правовых реформ либеральных группировок и партий начала XX в.

Еще в 1904 г. в проекте Конституции «Союза Освобождения» было заявлено о форме конституционной монархии как наиболее оптимальной для России. В первом параграфе проекта Конституции отмечалось: «Верховная власть Российской Империи осуществляется императором при участии Государственной думы» [14, с. 1]. Полномочия монарха определялись достаточно широко: право накладывать вето на любые законопроекты, издание указов в пределах существующей конституции, руководство вооруженными силами, назначение и ротация высших чиновников, объявление войны и мира, право созыва и роспуска Думы.

И хотя многие программные положения «Союза Освобождения» стали прообразом идейной платформы Конституционных Демократов («Партии народной свободы»), то пункт о форме государственного устройства был серьезно скорректирован уже на момент учреждения кадетской партии в октябре 1905 г. Во втором разделе партийной программы, посвященной государственному строю, имеет место достаточно расплывчатая формулировка: «Конституционное устройство российского государства определяется основным законом» [15, с. 328]. Более того, само слово «монархия», или «конституционная монархия» вообще не встречается в программе кадетов. Вероятно, это

объясняется большими разногласиями в рядах членов партии по вопросу государственного устройства: помимо сторонников конституционной монархии здесь было достаточное число приверженцев республиканского образа правления. Что бы не обострять ситуацию, руководство кадетов остановилось на подобного рода неопределенной и выжидательной формулировке. В связи с этим можно заметить, что в октябре 1905 г. было не совсем понятно, чем закончится бурное развитие революционной ситуации в России.

Если сравнить программные положения других партий либерального направления, стоящих, правда, правее кадетов, то здесь в отношении формы государственного устройства была полная определенность. «Союз 17 октября» озаглавил второй пункт своей программы следующим образом: «Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанным на общем избирательном праве» [15, с. 243]. А программа партии Демократических Реформ (возглавляемая М.М. Ковалевским) открывалась следующими положениями: «Государственное устройство Российской Империи как наследственной конституционной монархии определяется основным законом. Основной и другие вновь издаваемые законы требуют согласия народного представительства и утверждения Императора» [15, с. 350]. Почти слово в слово эти положения воспроизводятся в программе партии Мирного Обновления (1906, лидеры – П.А. Гейден, М.А. Стахович) [15, с. 358].

Однако тенденции к пересмотру вопроса о форме правления во взглядах и политико-правовых проектах русских либералов явно наметились. Причем, еще во второй половине XIX в. этот вопрос, правда, в завуалированной форме, поднимался на страницах главного отечественного либерального издания – «Вестника Европы». Например, во «Внутреннем обозрении» первого номера журнала за 1876 г., вырезанном цензурой, Леонид Александрович Полонский (1833–1913) отмечал: «Нельзя перестроить здание и оставить над ним прежнюю крышу» [13, с. 190]. А издатель журнала Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911) в письме к К.Д. Кавелину от 31 мая 1881 г. констатировал: «Вы говорите, что мы не хотим ничего кроме законности и под ней подразумеваем Конституцию... Совершенно верно!» [13, с. 156]. В лексике радикальных либералов того времени под словом «Конституция» подразумевалась не столько серьезно ограниченная конституционная монархия, сколько республиканская, демократическая форма правления. А вот, например, любопытная фраза Н.М. Коркунова в конце XIX в., скорее напоминающая пожелание: «Республика ... характеризуется тем, что функция эта (представлять государство - А.М.) осуществляется, по поручению народа, ответственными учреждениями» [5, с. 48].

Впрочем, полностью «карты раскрыты» были лишь после Февральской революции 1917 г. Как отмечал в своих воспоминаниях Павел Николаевич Милюков (1859–1943), в тот период вопрос о «переустройстве всего управления» был «сложным и трудным», но от его решения «зависел весь дальнейший ход революции» [8, с. 66]. Входявшие в состав Временного правительства кадеты через механизмы Юридического Совещания поставили вопрос о правовом закреплении смены формы правления. Сам институт Юридического Совещания при Временном правительстве возник в начале марта 1917 г. Большинство в Юридическом Совещании составляли лидеры Конституционно-демократической партии - Б.Э. Нольде, В.А. Маклаков и др. Председателем Совещания стал Федор Федорович Кокошкин (1871–1918) – один из авторов кадетской партийной программы. Эта программа стала основой для политико-правовой деятельности Временного правительства, а Юридическое Совещание, образованное формально как консультативный орган, фактически вырабатывало стратегию ускоренных либеральных реформ в России.

Еще в марте 1917 г. Ф.Ф. Кокошкин в докладе на VII съезде Конституционно-демократической партии отмечал, что конституционная монархия для российских либералов и раньше – до революционных событий – была «не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности... такой переходной ступенью, через которую

переход к народоправству мог бы совершиться наиболее мягким образом». Он особенно подчеркивал, что кадеты «никогда в своем большинстве не считали монархию, хотя бы и парламентскую, наилучшей формой правления». Ф.Ф. Кокошкин считал, что Россия должна стать демократической республикой, где законодательная власть строго закреплялась бы за народным представительным собранием, а исполнительная – возглавлялась бы президентом республики, избираемым народным представительством [23, с. 67-68]. Причем для обеспечения «господства демократических начал в республике», по мнению Кокошкина, должно быть четко проведено разделение властей [4, с. 16-17].

В законопроекте, возглавляемом Ф.Ф. Кокошкиным, Юридического Сопещения уже официально предполагалась должность Президента республики как главы исполнительной власти при Учредительном Собрании. Президент должен был избираться Собранием на определенный срок и, сохраняя исполнительскую независимость, контролировать «действия министерств» и выполнять функции «административных дел» [1, л. 1]. В эти функции входили вопросы внешних сношений (объявление войны, мира и иных договоров – но Президент должен был «входить с соответствующими предложениями в Учредительное Собрание»), руководство вооруженными силами, издание указов «об устройстве, составе и порядке действий правительственных учреждений, однако за исключением учреждения судебного ведомства» [1, л. 10]. В законопроекте была ссылка на пример политической организации III (парламентской) республики во Франции, где подобная система существовала «прочно» и ее «окончательная форма, установленная конституцией, была результатом продолжительного опыта» [1, с. 10]. Возможность осуществления президентской республики американского образца, подразумевающая всенародное голосование за главу исполнительной власти, была отвергнута. Это, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, ставило президента фактически «выше народного представительства», а с учетом отечественных традиций, грозило «скольжением к диктатуре» [4, с. 20].

Уже в эмиграции дискуссии по поводу формы правления среди русских либералов продолжались на страницах печатных изданий. В эмигрантском либеральном лагере были и сторонники конституционной монархии, правда, находились они в меньшинстве. Большинство же было представлено «республиканцами», главным идеологом которых являлся П.Н. Милюков. «Монархия – форма прошлого, – подчеркивал он в полемике с приверженцем конституционной монархии Петром Бернгардовичем Струве (1870–1944), – а республика – это не только идеал, но и целесообразность» [9, с. 1]. Для будущего России П.Н. Милюков отстаивал «республиканскую форму в чистом виде», более того, он считал ее «единственно возможной» [10, с. 19]. Причем, им признавался приемлемым уже вариант американской формы президентской республики.

Подводя итог, необходимо отметить, что и в дореволюционной России, а также в периоды Февральской революции и первой волны эмиграции, при общем признании отечественными либералами необходимости реализации принципа разделения властей, среди них существовали разногласия по поводу будущей формы правления. Впрочем, на протяжении XIX – XX вв. было заметно «перетекание симпатий» от конституционной монархии к демократической республике, от образца английской политико-правовой системы – к французской, и, наконец, – к американской. Можно заметить при этом, что апогеем данной тенденции стали либеральные реформы постсоветского периода. При этом современная российская политическая система сталкивается с новым вызовом – виртуализацией и сетевизацией политической коммуникации, а также адаптации гражданского представительства к этим условиям [18; 19].

Таким образом, тенденции к крайним формам вестернизации политико-правовых образцов в российском либерализме и, в частности, в отношении формы правления, стали закономерным итогом эволюции отечественной либеральной мысли на протяжении последних двух столетий.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. - Ф. 1792. - Оп. 1. - Д. 26.
2. *Ииутин А.А.* Идея целостности в мировоззрении славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – № 3. – С. 118–128.
3. *Кавелин К.Д.* Бюрократия и общество // Собрание сочинений К.Д. Кавелина: В 4 томах. - Т. 2. Публицистика. - СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – Стб. 1068-1078.
4. *Кокошкин Ф.Ф.* Республика. - Пг.: Изд. Партии народной свободы, 1917. – 23 с.
5. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. - СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – 415 с.
6. *Матюхин А.В.* Концепция гражданского общества Б.Н. Чичерина // Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 83–91.
7. *Матюхин А.В.* Методология политических реформ К.Д. Кавелина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. - 2013 - № 5. - С. 99-104.
8. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. - Т. 1. - Вып. 1. Противоречия революции. - София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. 248 с.
9. *Милюков П.Н.* Реабилитация царизма // Последние новости. - 1925. - 24 июня.
10. *Милюков П.Н.* Республика или монархия? - Paris: издание Республиканско-демократического объединения, 1929. 31 с.
11. *Моржеедов В.Г.* Кодекс Наполеона и его историческое значение // Девятый международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации общества – 2014», Москва, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 7-11 апреля 2014 г.: Сборник материалов Девятого международного научного конгресса «Роль бизнеса в трансформации общества-2014», - М.: Эдитус, 2014. - С. 131-132.
12. *Муштук О.З.* Модернизация России: между «вестернизацией» и поиском собственного пути // Обозреватель-Observer. - 2007. - № 5. - С. 34-43.
13. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке: В 5 томах. - Т. 2. - СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. 560 с.
14. Основной Государственный закон Российской Империи: Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения», - Paris: ред. «Освобождения», 1905. 76 с.
15. Программы политических партий России. Конец XIX-начало XX вв. - М.: Российская политическая энциклопедия, Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 1995. 461 с.
16. Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. - М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1911. – С. 384-406.
17. *Сперанский М.М.* Проекты и записки. - М.; Л: Изд-во АН СССР, 1961. 244 с.
18. *Федорченко С.Н.* Сетевой полис: гражданин на перекрестке реальной и виртуальной политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, - 2019. № 4 (351). - С. 68-85.
19. *Федорченко С.Н.* Эстетический подход в политической теории // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 4. С. 144-164.
20. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. В III томах. - Т. I. - М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894. 492 с.
21. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. В III томах. - Т. III. - М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1898. 556 с.
22. *Чичерин Б.Н.* Философия права. - М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1900. 337 с.
23. *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. - М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 280 с.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation]. F. 1792. Op. 1. D. 26.
2. Ishutin A.A. Ideya celostnosti v mirovozzrenii slavjanofilov [the idea of integrity in the worldview of Slavophiles]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. [Bulletin of the Moscow state regional University. Series: Philosophical Sciences]. 2018, I. 3, pp. 118-128.
3. Kavelin K.D. Byurokratiya i obshchestvo [Bureaucracy and society]. *Sobranie sochineniy K.D. Kavelina, v 4 tomakh. T. 2*. [Collected works of K. D. Kavelin, in 4 volumes. Vol. 2.]. SPb., Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1898, pp. 1068-1078.
4. Kokoshkin F.F. *Respublika* [Republic]. Pg., Izd. Partii narodnoy svobody Publ, 2013, 23 p.
5. Korkunov N.M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. SPb., Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1893, 415 p.
6. Matjulin A.V. Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva B.N. Chicherina [The concept of civil society B. N. Chicherin] *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Politic Research]. 2019, Vol. 3, I. 1, pp. 83-91.
7. Matjulin A.V. Metodologiya politicheskikh reform K.D. Kavelina [methodology of political reforms K. D. Kavelin]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow state regional University. Series History and political science], 2013, I. 5, pp. 99-104.
8. Milyukov P.N. *Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii. T. 1. Vyp. 1. Protivorechiya revolyutsii* [History of the second Russian revolution. Vol. 1. Issue. 1. The contradictions of the revolution]. Sofia, Rossiysko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo Publ, 1921, 248 p.
9. Milyukov P.N. Reabilitatsiya tsarizma [Rehabilitation of tsarism]. *Poslednie novosti* [Latest news], 1925, 24 iyunya.
10. Milyukov P.N. *Respublika ili monarkhiya?* [Republic or monarchy?]. Paris, izdanie Respublikansko-demokraticeskogo ob"edineniya Publ., 1929, 31 p.
11. Morzheedov V.G. Kodeks Napoleona i ego istoricheskoe znachenie [Napoleon's code and its historical significance]. *Devyatyy mezhdunarodnyy nauchnyy kongress «Rol' biznesa v transformatsii obshchestva , 2014»*, Moskva, Moskovskiy finansovo-promyshlennyy universitet «Sinergiya», 7-11 aprelya 2014 g.: *Sbornik materialov Devyatogo mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa «Rol' biznesa v transformatsii obshchestva, 2014»* [Ninth international scientific Congress "the Role of business in the transformation of society, 2014", Moscow, Moscow financial and industrial University "synergy", April 7-11, 2014, Proceedings of the Ninth international scientific Congress "the Role of business in the transformation of society, 2014»], M., Editus Publ, 2014, pp. 131-132.
12. Mushtuk O.Z. Modernizatsiya Rossii: mezhdru «vesternizatsiey» i poiskom sobstvennogo puti [Modernization of Russia: between "Westernization" and search of own way]. *Obozrevatel'-Observer* [Obozrevatel-Observer]. 2007, I. 5, pp. 34-43.
13. M.M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske, pod red. M.K. Lemke, v 5 tomakh Chicherin B.N. *Nauka i religija* [M. M. Stasyulevich and his contemporaries in their correspondence, ed. M. K. Lemke, in 5 volumes]. SPb., Tip. M.M. Stasyulevicha Publ, 1912, 560 p.
14. Osnovnoy Gosudarstvennyy zakon Rossiyskoy Imperii: Proekt russkoy konstitutsii, vyrabotannyy gruppoy chlenov «Soyuza osvobozhdeniya» [The basic State law of the Russian Empire: the Draft Russian Constitution, developed by a group of members of the "Union of liberation"]. Paris, red. «Osvobozhdeniya» Publ., 1905, 76 p.
15. Programmy politicheskikh partiy Rossii. Konets XIX-nachalo XX vv. [Programs of political parties of Russia. Late XIX-early XX centuries]. M., Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, Rossiyskiy nezavisimyy institut sotsial'nykh i natsional'nykh problem Mys' Publ., 1995, 461 p.

16. Proekt Osnovnogo i Izbiratel'nogo zakonov v redaktsii S.A. Muromtseva [The draft guideline and the Electoral laws in the wording of S. A. Muromtsev]. *Sergey Andreevich Muromtsev* [Sergey Andreevich Muromtsev]. M., Izd. M. i S. Sabashnikovykh Publ., 1911, pp. 384-406.
17. Speranskiy M.M. *Proekty i zapiski* [Projects and notes]. M.; L., Izd-vo AN SSSR Publ., 1861, 244 p.
18. Fedorchenko S.N. Esteticheskiy podkhod v politicheskoy teorii [Aesthetic approach in political theory]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. [Journal of Politic Research]. 2017, V. 1, I. 4, pp. 144-164.
19. Fedorchenko S.N. Setevoy polis: grazhdanin na perekrestke real'noy i virtual'noy politiki. [Network Policy: a citizen at the crossroads of real and virtual politics]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' – Observer*. [Scientific Analytical Journal Observer]. 2019, I. 4 (351), pp. 68-85.
20. Chicherin B.N. *Kurs gosudarstvennoj nauki* [The course of state science] V. I. M., Tipografija tovarishhestva I.N. Kushnerev i Ko Publ., 1894, 492 p.
21. Chicherin B.N. *Kurs gosudarstvennoj nauki* [The course of state science] V. III. M., Tipografija tovarishhestva I.N. Kushnerev i Ko Publ., 1898, 556 p.
22. Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. M., Tipo-litografiya tovarishhestva I.N. Kushnerev i Ko Publ., 1900, 337 p.
23. Shelokhaev V.V. *Liberal'naya model' pereustroystva Rossii* [Liberal model of reconstruction of Russia]. M., Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 1996, 280 p.